

- Patzelt W.J.* Was soll und wie betreibt man vergleichende Diktaturforschung? Ein forschungsprogrammatischer Essay in evolutorischer Perspektive // *Totalitarismus und Demokratie*. – Göttingen, 2009. – Vol. 6. – S. 167–207.
- Patzelt W.J.* Evolutionstheorie als Geschichtstheorie. Ein neuer Ansatz historischer Institutionenforschung // *Der Mensch – Evolution, Natur und Kultur: Beiträge zu unserem heutigen Menschenbild* / Jochen O. (ed.). – Heidelberg: Springer, 2010. – S. 175–212.
- Patzelt W.J.* «Blueprints» and Institution-Building. Former East Germany and its present state parliaments as a case in point // *Journal of East European and Asian studies*. – Romania, 2011. – Vol. 2/1. – P. 17–40.
- Patzelt W.J.* Evolutionary institutionalism and innovation. Conceptual framework and areas of application in social science and society: Presentation prepared for the Conference of the Eurasia Business and Economics Society, Istanbul, May 2012a. – Available from the author.
- Patzelt W.J.* Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit. – Würzburg: Ergon Verlag, 2007b. – 735 p.
- Patzelt W.J.* Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien. = Parliaments and their evolution. Research framework and case studies. – Baden-Baden: Nomos, 2012b. – 357 p.
- Riedl R.* Riedls Kulturgeschichte der Evolution. – Berlin: Springer, 2003. – 236 S.
- Schaefer J.M.* Studies in cultural diffusion: Galton's problem. – New Haven: Human Relations Area Files, 1974. – 558 p.
- Steinmo S.* Structuring politics. Historical institutionalism in comparative analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 272 p.
- Thelen K.* Historical institutionalism in comparative politics // *The annual review of political science*. – Palo Alto, CA, 1999. – Vol. 2. – P. 369–404.
- Thelen K.* How institutions evolve. Insights from comparative-historical analysis // *Comparative historical analysis in the social sciences* / Mahoney J. (ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – P. 208–240.
- Volland E.* Die Natur des Menschen: Grundkurs Soziobiologie. – München: Beck, 2007. – 182 S.
- Volland E.* Soziobiologie. Die Evolution von Kooperation und Konkurrenz. – Heidelberg: Spektrum, 2009. – 256 S.

Перевод Е.М. Криштоф

А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ, Д.К. СТУКАЛ, М.Г. МИРОНЮК ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН)¹

Проблема

Проблематика государства, государственности и государственной состоятельности, с одной стороны, и режимных изменений, демократии и демократизации – с другой, выдвинулась в настоящее время на передний план сравнительных политических исследований, прежде всего посвященных вопросам современных политических изменений и политического развития. Данное обстоятельство связано, в первую очередь, с реально выявившимися в последние два-три десятилетия сложностями в процессах государственного строительства в посткоммунистических странах – но не только! Феномен «несостоятельных» государств, очевидные различия в качестве государственных институтов и государственного управления в разных странах мира, прежде всего развивающихся, неоднозначность взаимосвязи типов государственности, направленности и темпов развития и характера политических режимов (в том числе появление альтернативных моделей авторитарной модернизации) – все это заставляет обратить внимание на проблему госу-

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в рамках исследовательского проекта «Государственная состоятельность как предпосылка демократии?» Помимо авторов статьи, среди участников проекта – М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, О.Г. Харитонова, О.Т. Гаспарян, Р.У. Камалова и Е.О. Вьюгина.

дарственного строительства, институционального развития и режимных изменений.

Немаловажный (в плане теории и политической практики) аспект этой проблематики связан, в частности, с так называемой проблемой *sequencing*, т.е. последовательности осуществления реформ в посткоммунистических и других переходных и развивающихся странах [см., например: Siegle, Weinstein, Halperin, 2004; Fukuyama, 2007; Mansfield, Snyder, 2007; Carothers, 2007; Carothers, 2007a; Bergman, 2007; MacLaren, 2009]. Одни исследователи и политики утверждают, что демократизация при отсутствии или недостатке эффективных и качественных государственных институтов (у нас зачастую упростили бы и сказали – «вертикали власти») чревата неуправляемостью и хаосом. Иными словами, вначале – сильное государство и лишь потом – демократия. Другие, напротив, считают возможным и необходимым в переходных странах одновременно осуществлять государственное строительство и развитие демократических институтов и практик, т.е. уже как бы изначально выстраивать именно демократические государственные институты.

Существует ли зависимость (если да, то какая) между характером государственности и политическими режимами и режимными изменениями? Каковы последствия демократических реформ для государственной состоятельности? Влияет ли государственная состоятельность на режимные преобразования? Как можно измерить уровни государственной состоятельности в разных странах? Каковы варианты и какова, если она существует, оптимальная последовательность строительства и развития государственных институтов и демократизации? Всегда ли создание эффективного государства должно предшествовать формированию демократических институтов и практик – или эти процессы могут идти параллельно и подкреплять друг друга? Насколько предшествующие исторические, социально-политические и иные традиции предопределяют характер новых, возникающих в ходе режимных изменений государственных институтов и их качество?

Мы предпринимаем попытку наметить возможные, пусть частичные, ответы на некоторые из поставленных вопросов и определить направления дальнейших исследований. Для этого мы осуществляем критический анализ существующей литературы по рассматриваемой проблематике, формулируем предварительные

гипотезы, определяем используемую методологию и эмпирические базы данных, разрабатываем используемый в нашем исследовании индекс государственности, выявляем и интерпретируем предварительные результаты анализа и намечаем дальнейшие перспективы исследования.

Литература

Современная литература по рассматриваемой проблематике огромна. Отправной точкой нашего исследования является аналитическое различие понятий государства, государственности и государственной состоятельности [см.: Nettle, 1968; Tilly, 1990; Spruyt, 1994; Evans, 1997; Ильин, 2005; Мелешкина, 2011 и др.]. В соответствии с существующей литературой по политической компаративистике «государственность» рассматривается нами как комплекс «статусности» (statehood) и «состоятельности» (stateness). Категория государственности как статусности отражает внешнее и внутреннее признание суверенного государства. Категория государственности как состоятельности отражает свойства и характеристики государства в части осуществления им своих эволюционирующих по мере государственного строительства функций, их объема и качества. Становление и распад государств, динамика государственного строительства, эволюция государственной состоятельности определяются воздействием совокупности как «объективных», так и «субъективных» факторов.

В литературе, имеющей отношение к рассматриваемой нами проблематике, распространено понимание государственного строительства как «создания новых государственных институтов и укрепления существующих» [Fukuyama, 2004a]. При этом государственное строительство чаще всего трактуется как «создание и увеличение государственной состоятельности», которая в свою очередь понимается как способность государства к «эффективному управлению» [Roberts, Sherlock, 1999, p. 480].

¹ Разумеется, критерии этой эффективности – иной вопрос, требующий отдельных исследований.

Применительно к основной проблематике нашего исследования — взаимосвязи и последовательности формирования и динамики государственной состоятельности и режимных изменений — в современной литературе можно выявить следующие основные альтернативные подходы.

1. «Stateness first»: Государство как необходимая предпосылка демократии?

В современной политической компаративистике в качестве едва ли не априорной посылки распространено представление о том, что государство/государственность является необходимой предпосылкой демократии. Этот тезис идет еще от Д. Растоу [Rustow, 1970]. Часто цитируется утверждение Х. Линца и А. Степана о том, что «демократия есть форма правления в современном государстве. Таким образом, без государства современная демократия невозможна» [Linz, Stepan, 1996, p. 17]. Данный аргумент получает развитие в работах Ф. Фукуямы, Э. Мансфилда и Дж. Снайдера [Fukuyama, 2004a; Fukuyama, 2007; Mansfield, Snyder, 2007].

И. Моллер и С.Э. Скаанинг [Moller, Skaaning, 2011], продолжая логику аргументации, представленную в ряде других работ [Tilly, 1990; Van Creveld, 1999 и др.], подчеркивают, что современные государства рождались недемократическим путем, в крови и насилии, и лишь постепенно некоторые из них становились демократиями, и приходят к тому же общему выводу, что государственность предшествует демократии.

В литературе также выделяется отдельная линия, конкретизирующая обсуждаемый нами тезис о государственности как обязательной предпосылке демократии в плане проблематики качества государственных институтов. Суть данного аргумента сводится к тому, что демократизация без качественных институтов ведет к политическому и социальному хаосу и экономическому спаду (см. в качестве характерного примера: [Полтерович, Попов, 2006]).

Действительно, нет никаких сомнений в том, что современная демократия невозможна без дееспособного государства и не может существовать вне пространства государственности. Проблема, однако, в другом — государство не абстракция, существуют очень разные государства и типы государственности. Государства

по-разному определяют свои приоритеты и по-разному исполняют свои функции. Общий тезис о том, что государство является предпосылкой демократии, нуждается в конкретизации и развитии. Да, исторически создание «современных» (европейских) государств и государственное строительство предшествовали формированию демократических институтов и практик. Но нет никаких достаточности в сегодняшней мировой контекст. Многомерная и разнонаправленная логика мирового политического развития требует дифференцированного подхода к вопросу о характере государства и государственности, детализированного рассмотрения их различных качеств, в первую очередь — применительно к рассматриваемой нами проблематике¹.

В окружающем нас мире — очень разные государства с разными характеристиками государственности. Дифференциация уровней государственной состоятельности как раз и используется в качестве одного из способов их измерения и сравнения, в том числе в аспекте режимных различий. При этом в литературе обоснован теоретический аргумент о разных соотношениях уровней государственности и типов политических режимов (см. работу Ч. Тилли 2007 г.: по вертикали — государственная состоятельность, по горизонтали — политические режимы):

Политический режим		
Государственная состоятельность	высокий потенциал государственной состоятельности — недемократический режим	высокий потенциал государственной состоятельности — демократический режим
	низкий потенциал государственной состоятельности — недемократический режим	низкий потенциал государственной состоятельности — демократический режим

Источник: [Tilly, 2007, p. 19].

¹ Показательно в этом отношении уточнение, сделанное А. Хадениусом [Hadenius, 2001]: в современных условиях не любое государство является предпосылкой демократии и условием демократизации, а государство особого рода — «взаимодействующее государство» («interactive state»), т.е. такое, которое развивает связи с обществом и отвечает на его запросы.

В ряде исследований этот вывод о «демократии без государственности» и «государственности без демократии» подтверждается эмпирически [см., например: Политический атлас современности, 2007; Political Atlas of the Modern World, 2010].

2. «Democratization without a state»:

Насколько необходима в современном мире государственность как предпосылка демократии?

Строго говоря, это логически и теоретически возможная, но в содержательном отношении совершенно маргинальная позиция. О. Тенси приводит Косово в качестве примера демократизации без эффективной государственности [Tansey, 2007], заметим — примера весьма неоднозначного. В. Шойерман под критическим углом рассматривает аргументы относительно процессов глобализации и транснационализации как факторов, снижающих относительную значимость суверенного государства и государственности для демократизации [Schneiderman, 2009]. В сходном контексте иногда рассматриваются перспективы «демократизации извне» — фактически при слабом государстве.

Но, как бы то ни было, для нашего исследования, посвященного взаимосвязи типов государственности и режимных изменений, эта проблематика, особенно с учетом ее маргинальности, не является приоритетной.

3. «Democratization backwards» / «Building the ship of state at sea»: Одновременность и комплементарность государственного строительства и демократизации?

Гораздо более значимая (с точки зрения интересов нашего исследования) проблема, все более активно дискутируемая в современной литературе, связана с возможностью одновременности и комплементарности процессов государственного строительства и формирования демократических институтов и практик. Существует ряд теоретических и эмпирических исследований, говорящих в пользу такой возможности. Например, Р. Роуз и Д. Ч. Шин говорят о возможности, образно выражаясь, «строительства государственного корабля в море» («building the ship of state at sea»), т.е. строи-

тельства изначально демократических государственных институтов [Rose, Shin, 2001, p. 337]. По их мнению, именно это характерно для стран «третьей волны», осуществляющих «демократизацию в обратном направлении» («democratization backwards»), т.е. без предварительного выстраивания «сильных» государственных институтов. М. Брэттон и Э. Чанг на основе эмпирического анализа особенностей режимных изменений в ряде африканских стран также приходят к выводу о взаимосвязи и взаимообусловленности процессов государственного строительства и демократизации [Bratton, Chang, 2006]. Дж. Карбоне и В. Мемоли на более широкой выборке стран приходят к аналогичному выводу, используя, однако, вызывающую возражения методологию [Carbone, Memoli, 2012].

Дж. Фортин отмечает, что как существующие теоретические разработки, так и имеющиеся эмпирические данные не позволяют четко установить направление причинной зависимости между государственным строительством и демократизацией, и на этом основании приходят к выводу о том, что эти процессы взаимно подкрепляют друг друга [Fortin, 2011]. Фактически это связано с проблемой эндогенности применительно к рассматриваемым нами вопросам. Направление причинной зависимости трудно определить однозначно: что влияет на что и нет ли тут «третьих» причин? Связаны ли состояние / динамика государственной состоятельности и демократии / демократизации только друг с другом — или еще и с другими факторами / изменениями, например, с развитием рыночной экономики, внешними влияниями и др.?

Дж. Хэнсон, напротив, делает заключение об отсутствии внутренней взаимосвязи этих процессов, но при этом приходит к важному положению о том, что для начала демократизации необходимо лишь минимальный уровень государственной состоятельности и что в дальнейшем формирование демократических институтов и практик приобретает самодостаточный характер [Hansen, 2011]. Х. Бек и А. Хадениус в своем анализе приходят к выводу о возможности «игры с положительной суммой» («positive sum game») и о том, что государственная состоятельность увеличивается при демократии, но на начальных этапах демократизации авторитарных режимов происходит ослабление государственной состоятельности [Baeck, Hadenius, 2008]. Это важный и распространенный вывод, который подтверждается и другими эмпирическими исследованиями.

При этом нужно заметить, что, когда мы говорим о государственной состоятельности как о комплексе функций, осуществляемых современным государством, мы исходим из определенного допущения — мы рассматриваем государство как единичного и как бы «монолитного» актора, тогда как в действительности имеет место взаимодействие и зачастую конкуренция различных групп интересов и центров влияния. Именно в этом смысле А. Гржимала-Буссе и Дж. Лунг [Grzymala-Busse, Luong, 2002, p. 532–533] предупреждают о возможной проблеме «антропоморфной концептуализации» («anthropomorphic conceptualization» vs. «multiple centers of authority-building»). Действительно, эта проблема существует, однако для нашего исследования, по крайней мере на нынешнем этапе, она не является значимой — мы не рассматриваем фактор множественности центров влияния на процессы государственного строительства и формирования государственной состоятельности. Нам в гораздо большей степени интересуют совокупные эффекты этих процессов во взаимосвязи с режимными изменениями.

Еще одно допущение связано с не до конца проясненным методологическим вопросом о том, следует ли трактовать параметры государственной состоятельности как наличие ресурсов для осуществления государственных функций или же как их реальные результаты (на эту проблему обращают внимание Дж. Хансен и Р. Сигман [Hansen, Sigman, 2011]). В нашем подходе к измерению и оценке государственной состоятельности мы совмещаем ресурсы и результаты, хотя в дальнейшем, вероятно, предстоит провести их аналитическое и операциональное разделение.

Имеющиеся в современной теоретической и эмпирической литературе наработки также оставляют нерешенными ряд немаловажных проблем, на которые в ходе последующих исследований необходимо будет обратить внимание:

Каков реально тот минимальный «порог» государственной состоятельности, начиная с которого возможна демократизация? [см.: Cappelli, 2008; Hansen, 2011; Fortin, 2011]. Вопрос в принципе в литературе поставлен, но ответа на него нет; как и нет соответствующих эмпирических исследований. Иногда в качестве примеров приводят Монголию и Молдову, которым, как считается, удалось продвинуться по пути демократизации в условиях дефи-

цита эффективных и качественных государственных институтов [см.: Fish, 1998; Fish, 2001].

Не до конца прояснен вопрос и о том, какими должны быть политические (и иные) стратегии акторов для успешной демократизации в условиях обозначенного выше дефицита. Или по-другому: насколько уровни государственной состоятельности определяются «колесей» предшествующих паттернов и традиций [см.: Fortin, 2010] и насколько — политическими обстоятельствами и решениями ключевых акторов в периоды радикальных режимных изменений? И что же это за стратегические решения? А. Гржимала-Буссе и Дж. Лунг [Grzymala-Busse, Luong, 2012], например, на основе сравнительного анализа институционального строительства в посткоммунистических странах выделяют две модели альтернативных стратегий: одна ориентирована на поддержку «ранних победителей» [см.: Hellman, 1998]; другая — на «защиту проигравших», т.е. сохранение условий для реальной политической и экономической конкуренции, в ходе которой «ранние проигравшие» имеют шансы для реванша в соответствии с демократическими процедурами.

Совершенно отдельный и важный сюжет связан с «оборотной стороной» проблемы качества государственных институтов при авторитарных политических режимах. Речь идет о том, в каких случаях и при какой мотивации диктаторы создают «хорошие» институты, увеличивающие государственную состоятельность. В последнее время на этот счет появился целый ряд новых работ [Gandhi, Przeworski, 2007; Brownlee, 2007; Wintrobe, 2007; Gandhi, 2008; Charon, Lapuente, 2011; Wright, Escriba-Folch, 2012], но еще существует недостаток в комплексных сравнительных исследованиях институционального качества государственного строительства в условиях диктатур и при переходе к их демократизации.

Другая важная и все еще не решенная проблема, которую мы отмечали выше, заключается в следующем: можно ли выявить причинную зависимость между государственной состоятельностью и демократизацией? В теоретическом плане такая зависимость иногда выявляется и фиксируется в образе так называемой *J-кривой*. Иными словами, государственная состоятельность выше в автократиях, чем в переходных, демократизирующихся режимах; однако в полных, консолидированных демократиях — самые высо-

кие уровни государственной состоятельности. Вопрос заключается, однако, в том, как пройти «дно» этой *J-кривой* (Ф. Шмиттер называет его «долиной слез» [Schmitter, 2005]), что может понудить «промежуточных победителей» отказаться от достигнутой ими ренты.

Дж. Хеллман в свою очередь оспаривает саму логику *J-кривой* и утверждает, что на начальных этапах транзита реформы ухудшают экономическое состояние и подрывают политическую стабильность, но если вырваться со «дна» этой кривой (т.е. продолжать реформы), начнется неизбежный «подъем» [Hellman, 1998]. Другое дело, что «ранние победители» этого не хотят, у них нет мотивов для этого – ведь они получили доступ к ренте. Фактически это сильный теоретический аргумент против популярной в некоторых политических и экспертных кругах идеи о том, что на начальных этапах транзита авторитаризм способствует экономическим реформам. Напротив, указанное сравнительное эмпирическое исследование демонстрирует (по крайней мере на примере посткоммунистических стран), что политическая стабильность не способствует реформам и что успешные реформы осуществлялись как раз там, где были высокие уровни политического участия и конкуренции.

Наконец, еще одна проблема вытекает из собственно политических следствий политэкономической модели «победители получают все» [Hellman, 1998; см. также: Григорьев, 2012]. Речь идет о том, что, завоевав положение «царя горы» и обеспечив себе гарантированное извлечение политической и экономической ренты, «ранние победители» по сути дела лишены мотивов для формирования и развития качественных институтов и соответствующего государственного строительства. Стремление к повышению уровня государственной состоятельности для них не цель. Созданные ими «плохие» институты (с точки зрения общепринятых критериев качества государственного управления)¹ для них-то как раз являются «хорошими», вполне выполняют ожидаемые функции и закрепляют «институциональную ловушку» [Гельман, 2010]. Как следствие, происходит «захват государства», в том числе силовой [Волков, 2002], и дальнейшее закрепление «большого», но «слабого» (с точки

¹ The quality of government institute. – Mode of access: <http://www.qog.pol.gu.se/>

зрения качества институтов) авторитарного государства [Петров, 2011].

Гипотеза

На основании критического прочтения существующей литературы и с учетом нерешенных проблем и общей направленности нашего исследования и используемой выборки мы формулируем следующую гипотезу, которую затем подвергаем эмпирической проверке:

H1: Уровни государственной состоятельности и демократического развития взаимосвязаны; при этом двигающиеся по пути демократической консолидации посткоммунистические режимы достигают более высокой государственной состоятельности, чем посткоммунистические автократии.

Методология

Мы осуществляем сравнительное эмпирическое исследование с использованием качественных и количественных (многомерных статистических) методов и исходим из посылки, что уровни государственной состоятельности и демократии, в частности в посткоммунистических странах, можно измерить и сравнить.

Для этого мы, прежде всего, формируем базу данных по посткоммунистическим странам, отражающую динамику переменных индекса государственной состоятельности (см. ниже) начиная с 1989–1991 гг. Сразу же подчеркнем, что по ряду недемократических государств необходимые данные отсутствуют. Следует признать, что проблема пропусков в данных пока у нас не нашла удовлетворительного решения. Это связано во многом с тем, что сам факт пропусков в данных, вероятно, обусловлен характером политического режима (а уровни демократии мы в нашем исследовании рассматриваем как зависимую переменную, в то время как имеющиеся показатели различных аспектов государственной состоятельности – как независимую). То есть факт пропусков в данных не носит ни «случайного», ни тем более «совершенно случайного» характера (используя принятую в области анализа данных с пропусками терминологию: «missing at random» и «missing completely

at random»). В этой ситуации затруднительным (если вообще возможным) оказывается использование большинства методов анализа данных с пропусками, включая столь популярное в последние годы множественное импутирование данных [Honaker, King 2010].

Измерение уровня демократии – одна из давних задач, стоящих перед исследователями, занимающимися эмпирическими исследованиями в области сравнительной политологии. Несмотря на обилие литературы, посвященной проблеме измерения демократии [On Measuring Democracy, 1993; Collier, Adcock, 1999; Munck, Verkuilen, 2002; Munck, 2009], базовый консенсус отсутствует даже по вопросу о том, является ли демократия бинарным признаком или принимает множество значений. Изучая процессы режимных трансформаций, мы исходим из множественности форм политического режима и измеряем уровни демократии в посткоммунистических странах с помощью индексов Freedom House¹ и Polity IV².

Приступая к конструированию индекса государственной состоятельности, мы принимаем во внимание имеющиеся прецеденты, их достоинства и недостатки. Так, М. Манн понимает государственную состоятельность как «инфраструктурную силу государства» и выделяет следующие функции современного государства: поддержание внутреннего порядка; обеспечение обороны от угроз извне; поддержание инфраструктуры коммуникаций; осуществление экономического перераспределения [Mann, 1984]. Ц. Робертс и Т. Шерлок говорят о трех измерениях (аспектах) государственной состоятельности: институциональном, политическом и административном [Roberts, Sherlock, 1999]. Ф. Фукуяма среди аспектов государственной состоятельности выделяет следующие: обеспечение обороны; закона и порядка; прав собственности; защиты неимущих; здравоохранения; образования; защиты окружающей среды; поддержки безработных; макроэкономического регулирования; содействия развитию рынков и др. [Fukuyama, 2004]. Для К. Хендрикса это военная способность, бюрократически-административная способность и качество политических институтов [Hendrix, 2010]. Упомянутые выше Дж. Хансен и Р. Сигман выделяют три аспекта

¹ Freedom in the world / Freedom House. – Mode of access: <http://www.freedomhouse.org/report-types/freedom-world>

² Polity IV annual time-series. 1800–2010. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/inscr.htm>

государственной состоятельности: способность к налогообложению, способность к принуждающему насилию и административная способность [Hansen, Sigman, 2011]. В рамках индекса трансформации Бертельсмана государственная состоятельность трактуется как один из критериев оценки уровней демократии в переходных странах и включает монополию государства на применение насилия на своей территории, согласие относительно гражданства (demos), разделение конституционного порядка и религиозной догматики, а также существование функционирующей административной структуры [Bertelsmann Transformation Index, 2012].

Примеры из литературы можно легко продолжить. Вопрос, однако, заключается в том, какие достоверные инструменты можно использовать для реального измерения и сравнения уровней государственной состоятельности в разных странах. Ф. Фукуяма в работе 2004 г. предложил измерять государственную состоятельность по одному простому критерию – собираемости налогов [Fukuyama, 2004a]. Х. Бек и А. Хадениус измеряют государственную состоятельность как сочетание качества бюрократии («bureaucratic quality» по ICRG) и «контроля над коррупцией» («control of corruption» – тоже по ICRG) [Baeck, Hadenius, 2008]. Н. Чарпон и В. Лапуэнте предлагают другой критерий – качество государственного управления по версии одноименного проекта Гётеборгского университета (QoG, Quality of Government) [Charpon, Lapuente, 2010]. Дж. Фортин предприняла попытку [Fortin, 2010] разработать индекс государственной состоятельности, состоящий из следующих переменных: извлечение налогов (по данным МВФ), обеспечение прав собственности (по данным ICRG), «контрактные деньги» (по данным МВФ), коррупция (по оценке Heritage Foundation), инфраструктурные реформы (по оценке Европейского банка реконструкции и развития). В. Попов предлагает две переменные для измерения государственной состоятельности – уровень убийств на 100 тыс. населения (по данным Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка) и процент теневой экономики в ВВП (прежде всего тоже по данным Всемирного банка) [Попов, 2011].

Как мы видим, в литературе предлагаются разнообразные концептуальные и методологические подходы к измерению государственной состоятельности с различной дифференциацией используемых показателей. Применительно к нашему исследованию

и с учетом особенностей нашей выборки посткоммунистических стран необходимо также принимать во внимание имеющиеся существенные ограничители, связанные, прежде всего, с недостаточной прозрачностью статистики и имеющимися в ней лагунами.

Индекс государственной состоятельности

Разрабатывая собственный индекс государственной состоятельности, мы стремились учесть имеющийся опыт, в том числе полученный на предыдущих этапах нашего исследования. Напомним, что в предшествующих разработках [Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2011; 2012] мы формировали индекс государственной состоятельности с учетом пяти базовых функций современного государства: обеспечение внешней безопасности, внутреннего порядка, легитимности, управления и развития. Соответствующие переменные формировались на основе статистических данных и экспертных оценок (с определенным креном в сторону последних). С учетом полученного опыта и других имеющихся наработок мы на нынешнем этапе исследования осуществляем определенную коррекцию переменных индекса, чтобы, в частности, избежать возможных искажений, связанных с экспертными оценками.

Мы рассматриваем индекс государственной состоятельности как результат агрегирования методом главных компонент трех составляющих его индексов – (1) правопорядка; (2) управленческой способности и (3) ресурсов и инфраструктуры. Используемый индекс правопорядка – это то же, что композитный индекс права на физическую неприкосновенность Д. Сингранелли и Д. Ричардса¹, представляющий собой среднее арифметическое показателей пыток, исчезновений людей, внесудебных расправ и наличия политических заключенных. Индекс управленческой способности получен методом главных компонент на основе четырех показателей – индекса качества государственного управления из Международного справочника страновых рисков (International Country Risk Guide, ICRG)², доли доходов от сбора налогов в ВВП (по данным Все-

¹ Cingranelli-Richards human rights data project. – Mode of access: <http://ciri.binghamton.edu>

² The quality of government institute. – Mode of access: <http://www.qog.pol.gu.se/>

мирного банка)¹, индекса восприятия коррупции (Трансперенси Интернешнл)² и показателя качества регулирующих экономику институтов, известного как «контрактотемные деньги» (contract intensive money), – по данным МВФ³. Индекс ресурсов и инфраструктуры получен методом главных компонент на основе трех показателей: плотность дорожной сети, ВВП на душу населения, потребление электроэнергии на душу населения (все три показателя взяты из базы данных Всемирного банка).

Мы далее изучаем поведение индекса государственной состоятельности и его составляющих в посткоммунистических государствах с разными типами политического режима. Для этого посткоммунистические государства разделены на три группы, соответствующие трем политическим режимам, и для каждой группы государств рассчитаны средние значения индексов. В основе деления государств по типам политического режима лежат индекс Freedom House (от 1 до 2,5 – свободные страны, от 2,5 до 5 – частично свободные, от 5,5 до 7 – несвободные) и индекс Polity IV (от -10 до -6 – автократии, от -5 до 5 – гибридные режимы, от 5 до 10 – демократии). В табл. представлены результаты статического среза для 2008 г.

Полученные средние значения позволяют воспроизвести для посткоммунистических государств в 2008 г. *J-кривую*, связывающую государственную состоятельность и уровень демократии (см. рис. 1 и 2). Заметим, что полученный результат не отражает характера совместной изменчивости государственной состоятельности и демократии: речь идет не о поведении этих двух признаков во времени, а об особенностях их сочетания в разных государствах на определенный момент времени.

¹ World development indicators / The World Bank. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>

² Corruption perceptions index / Transparency International. – Mode of access: <http://www.transparency.org/research/cpi>

³ International monetary fund. Data and statistics. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/data.htm>

Таблица
Средние значения индекса государственной состоятельности и его компонент в разных типах политического режима

Тип режима		Общий индекс государственной состоятельности	Правопорядок	Управленческая способность	Ресурсы и инфраструктура
Freedom house	свободный	0,55	6,67	0,45	0,55
	частично свободный	-1,29	3,19	-1,12	-1,02
	несвободный	-1,08	3,73	-0,78	-0,47
Polity IV	демократия	0,29	6,33	-0,61	0,24
	гибридный режим	-1,50	4,53	-1,28	-0,90
	автократия	-0,98	3,71	0,19	-0,66

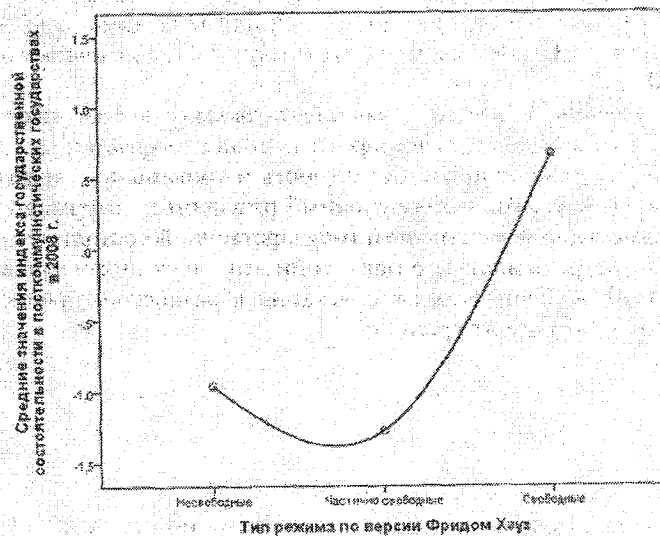

Рис. 1.

Средние значения индекса государственной состоятельности в посткоммунистических государствах в 2008 г. и типы политического режима по версии Freedom house.

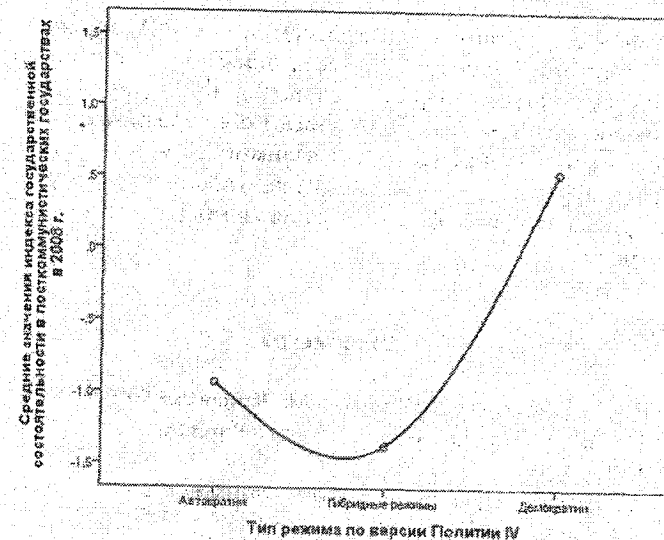

Рис. 2.

Средние значения индекса государственной состоятельности в посткоммунистических государствах в 2008 г. и типы политического режима по версии Polity IV.

Выводы и перспективы

Полученные предварительные результаты подтверждают высказанную нами гипотезу: действительно, наиболее высокие уровни государственной состоятельности – у состоявшихся и консолидированных посткоммунистических демократий, тогда как эти уровни у посткоммунистических автократий намного ниже. Однако наиболее низкие уровни государственности – у переходных и гибридных режимов.

Мы расцениваем эти результаты именно как предварительные. В дальнейшем мы намерены, во-первых, значительно расширить выборку анализируемых стран и включить в нее максимально возможное количество наблюдений, связанных с вариантами радикальных режимных изменений (демократизация, дедемократизация).

ция, сдвиг в авторитаризм) по критериям Polity IV. Во-вторых, мы намерены проанализировать и учесть динамические аспекты взаимосвязи государственной состоятельности и режимных изменений, что позволило бы сделать эмпирически обоснованные заключения о возможности одновременных и взаимно дополняющих процессов — государственного строительства, укрепления государственной состоятельности и формирования демократических институтов и практик.

Литература

- Валков В.В. Силовое предпринимательство. — М.: Летний сад, 2002. — 282 с.
- Гельман В. Россия в институциональной ловушке // Pro et Contra. — М., 2010. — Т. 14, № 4–5. — С. 23–38.
- Григорьев Л.М. Спрос элит на право: «Эффект трамвая» // Вопросы экономики. — М., 2012. — № 6. — С. 33–47.
- Ильин М.В. Суверенитет: Вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. — М., 2005. — № 4. — С. 10–28.
- Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. — М., 2011. — № 2. — С. 9–27.
- Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г. и др. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — 272 с.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах: Препринт WP14/2011/04 / НИУ-ВШЭ. — М., 2011. — Ч. 1. — 52 с.; Ч. 2. — 60 с.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. — М., 2012. — № 2. — С. 8–30.
- Петров Н. Обилие слабого государства // Pro et Contra. — М., 2011. — Т. 15, № 5. — С. 51–66.
- Палтерович В., Попов В. Демократия, качество институтов и экономический рост // Прогнозис. — М., 2006. — № 3. — С. 115–132.
- Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. — М.: ИЛЮ, — 864 с.
- Ваекс Н., Hodenius A. Democracy and state capacity: Explaining a j-shaped relationship // Governance: An international journal of policy, administration, and institutions. — Oxford, 2008. — Vol. 21, N 1. — P. 1–24.

- Berman Sh. The vain hope for «correct» timing // Journal of democracy. — Washington, DC, 2007. — Vol. 18. — N 3. — P. 14–17.
- Bertelsmann transformation index, 2012 / Bertelsmann Stiftung. — Mode of access: <http://www.bti-project.org/home/index.nc> (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Bratton M., Chang E. State building and democratization in sub-Saharan Africa: Forwards, backwards, or together? // Comparative political studies. — Seattle, 2006. — Vol. 39, N 9. — P. 1059–1083.
- Brownlee J. Authoritarianism in an age of democratization. — Cambridge, N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. — xiii, 264 p.
- Cappelli O. Pre-modern state-building in post-Soviet Russia // Journal of communist studies and transition politics. — Abingdon, 2008. — Vol. 24, N 4. — P. 531–572.
- Carbone G., Memoli V. Does democracy foster state consolidation? A panel analysis of the «backwards hypothesis». — Mode of access: http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Carothers Th. The «sequencing» fallacy // Journal of democracy. — Washington, DC, 2007. — Vol. 18, N 1. — P. 12–27.
- Carothers Th. Misunderstanding gradualism // Journal of democracy. — Washington, DC, 2007 a. — Vol. 18, N 3. — P. 18–22.
- Charron N., Lapuente V. Does democracy produce quality of government? // European journal of political research. — Exeter, 2010. — Vol. 49, N 4. — P. 443–470.
- Charron N., Lapuente V. Which dictators produce quality of government? // Studies of comparative international development. — Providence, 2011. — Vol. 46, N 4. — P. 1–27.
- Cingranelli-Richards (CIRI) human rights data project. — Mode of access: <http://ciri.binghamton.edu> (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Collier D., Adcock R. Democracy and dichotomies: A pragmatic approach to choices about concepts // Annual review of political science. — Palo Alto, CA, 1999. — N 2. — P. 537–565.
- Corruption perceptions index / Transparency International. — Mode of access: <http://www.transparency.org/research/cpi> (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Evans P. The eclipse of the state? Reflections on stateness in an era of globalization // World politics. — Princeton, 1997. — Vol. 50, N 1. — P. 62–87.
- Fish S. Mongolia: Democracy without prerequisites // Journal of democracy. — Washington, DC, 1998. — Vol. 9, N 3. — P. 127–141.
- Fish S. The inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and post-communist studies. — Los Angeles, 2001. — Vol. 34, N 3. — P. 323–338.
- Fortin J. A tool to evaluate state capacity in post-communist countries // European journal of political research. — Exeter, 2010. — Vol. 49, N 5. — P. 654–686.

- Foran J.* Is There a necessary condition for democracy? The role of state capacity in postcommunist countries // *Comparative political studies*. – Seattle, 2011. – Vol. 20, N.10. – P. 1–28.
- Frye T.* Building states and markets after communism: The perils of polarized democracy. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – xii, 296 p.
- Fukuyama F.* State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. – Ithaca; N.Y.: Cornell univ. press, 2004. – xiii, 137 p.
- Fukuyama F.* The imperative of state-building // *Journal of democracy*. – Washington, DC, 2004a. – Vol. 15, N 2. – P. 17–31.
- Fukuyama F.* Liberalism versus state-building // *Journal of democracy*. – Washington, DC, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 10–13.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 260 p.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats // *Comparative political studies*. – Seattle, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Grzymala-Busse A., Luong P.* Reconceptualizing the state: Lessons from post-communism // *Politics and society*. – Madison, 2002. – Vol. 30, N 4. – P. 529–554.
- Grzymala-Busse A., Luong P.* The diversity of post-communist state outcomes: Revisiting the state: Manuscript. – 2012.
- Guriey S., Zhuravskaya E.* Why Russia is not South Korea // *Journal of international affairs*. – N.Y., 2010. – Vol. 63, N 2. – P. 124–139.
- Hadenius A.* Institutions and democratic citizenship. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 312 p.
- Hale H.* Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. – Los Angeles, 2006. – Vol. 39, N 3. – P. 305–329.
- Hansen J., Sigman R.* Measuring state capacity: Assessing and testing the options: Paper for the 2011 Annual Meeting of the American political science association, September 1–5, 2011.
- Hansen J.* Democracy and state capacity: Complements or substitutes?: Paper presented at the annual meeting of the Midwest political science association, Chicago, April 3–6, 2008.
- Hellman J.* Winners take all. The politics of partial reform in postcommunist transitions // *World politics*. – Princeton, 1998. – Vol. 50, N 2. – P. 203–234.
- Hendrix C.* Measuring state capacity: Theoretical and empirical implication for the study of civil conflicts // *Journal of peace research*. – Oslo, 2010. – Vol. 47, N 3. – P. 273–285.

- Honaker J., King G.* What to do about missing values in time-series cross-section data // *American journal of political science*. – Houston, 2010. – Vol. 54, N 2. – P. 561–581.
- Factors of post-socialist stateness // Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., Zharikova E. – M., 2012. – 43 p. – (WP BRP 03/PS/2012 / НИУ ВШЭ)
- Data and statistics / International Monetary Fund. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/data.htm> (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Linz J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1996. – 479 p.
- MacLaren M.* «Sequentialism» or «gradualism»? On the transition to democracy and the rule of law. – 2009. – Mode of access: <http://www.nccr-democracy.uzh.ch/publications/workingpaper/pdf/wp38.pdf> (Дата посещения: 01.06.2012.)
- Mann M.* The autonomous power of the state: Its origins, mechanisms and results // *European journal of sociology*. – Cambridge, UK, 1984. – Vol. 25, N 2. – P. 185–213.
- Mansfield E., Snyder J.* The sequencing «fallacy» // *Journal of democracy*. – Washington, DC, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 5–22.
- Political atlas of the modern world / Melville A., Polunin Yu., Ilyin M., Mironyuk M. et al. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – 256 p.
- Moller J., Skaning S.-E.* Stateness first? // *Democratization*. – Warwick, 2011. – Vol. 18, N 1. – P. 1–24.
- Munck G.* Measuring democracy. A bridge between scholarship and politics. – Baltimore: The John Hopkins univ. press, 2009. – 178 p.
- Munck G.L., Verkuilen J.* Conceptualizing and measuring democracy: evaluating alternative indices // *Comparative political studies*. – Seattle, 2002. – Vol. 35, N 1. – P. 5–34.
- Neille J.* The state as a conceptual variable // *World politics*. – Princeton, 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.
- On measuring democracy: Its consequences and concomitants / Alex Inkeles (ed.). – New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1993. – 234 p.
- Popov V.* Developing new measures of state institutional capacity // *Social Science Research Network*. – March 1, 2011. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1893825 (Дата посещения: 01.06.2012.)
- QoG data / Quality of government institute. – Mode of access: <http://www.qog.pol.gu.se/data/> (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Roberts C., Sherlock Th.* Bringing the Russian state back In. Explanations of the derailed transition to market democracy // *Comparative politics*. – N.Y., 1999. – Vol. 31, N 4. – P. 477–498.
- Rose R., Shin D.* Democratization backwards: The problem of third-wave democracies // *British journal of political science*. – Essex, 2001. – Vol. 31, N 2. – P. 331–354.

- Rusrow D. Transitions to democracy: Toward a dynamic model // Comparative politics. – N.Y., 1970. – Vol. 2, N 3. – P. 337–363.
- Scheuerman W. Postnational democracies without postnational states? Some skeptical reflections // Ethics and global politics. – Uppsala, 2009. – Vol. 2, N 1. – P. 41–63.
- Schmitter Ph., Wagemann C., Obydenkova A. Democratization and state capacity: Paper for 10 Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, Santiago, Chile, 18–21 Oct. 2005. – Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/CLAD/clad0032201.pdf> (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Shneider F. Shadow economies and corruption all over the world: What do we really know? // Economics: The open-access, open-assessment e-journal. – 2007. – N 9. – March 09, 2007. – Mode of access: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2007-9> (Дата посещения: 01.06.2012.)
- Stegle J., Weinstein M., Halperin M. Why democracies excel // Foreign affairs. – N.Y., 2004. – Vol. 83, N 5. – P. 57–71.
- Spruyt H. The sovereign state and its competitors: An analysis of systems change. – Princeton: Princeton univ. press, 1994. – 302 p.
- Tansey O. Democratization without a state: Democratic regime-building in Kosovo // Democratization. – Warwick, 2007. – Vol. 14, N 1. – P. 129–150.
- Tilly Ch. Coercion, capital and European states, AD 1990–1992. – Cambridge: Blackwell 1990. – 288 p.
- Tilly Ch. Democracy. – Cambridge, NY: Cambridge univ. press, 2007. – 248 p.
- Transformation index BTI, 2012. Political management in international comparison // Bertelsmann Stiftung. – Gutersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2012. – 120 p.
- Van Creveld M. The rise and decline of the state. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – 448 p.
- Wintrobe R. Dictatorship: Analytical approaches // The Oxford handbook of comparative politics / Boix C., Stokes S. (Eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – P. 363–396.
- World development indicators / The World Bank. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (Дата посещения: 1.06.2012.)
- Wright J., Escriba-Folch A. Authoritarian institutions and regime survival: Transitions to democracy and subsequent autocracy // British journal of political science. – Essex, 2012. – Vol. 42, N 2. – P. 283–309.

С. ДРАЙШЕР

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПАРЛАМЕНТА

Зачем нам нужен анализ Европарламента?

Европейский парламент – удивительная организация. Он был основан в 1952 г. как своего рода декоративный институт наподобие общей ассамблеи, главной задачей которого было дать формальное правовое обоснование Европейскому объединению угля и стали. Но начиная с 1979 г., когда Европарламент стал избираться прямым голосованием, он превратился в один из столпов Европейского союза. И хотя существуют и другие международные парламенты [Marschall, 2005], они отличаются от Европейского парламента в двух аспектах: политическая сфера, которой они занимаются, гораздо уже, чем у ЕП, и влияние их решений на граждан стран-членов тоже намного меньше. Поэтому Европейский парламент можно рассматривать как прототип наднационального парламента, имеющего дело с радикально измененной основной идеей¹. Поэтому неудивительно, что Европейский парламент сегодня часто и подробно анализируют. Ученые, работающие в сфере европейской интеграции и Европейского парламентаризма, оставили незатронутыми лишь несколько аспектов этой темы. Основные же аспекты ЕП, а именно его инструменты и символические функции, структуры управления или ресурсы парламентаского времени, были подробно описаны и проанализированы [Hix, Noury, Roland, 2007; Jacobs, Corbett, Shackleton, 2007; Dreischer, 2005,

¹ Основная идея института – это выбор задач и целей, которые институт планирует реализовать [см.: Навроу, 1965].